

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ОСВЕЩЕНИИ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО И В.В. НАБОКОВА

В статье рассматриваются основные мотивы полемики В.В. Набокова в «Комментариях к Евгению Онегину» с Д.И. Чижевским как автором «Комментариев» к роману А.С. Пушкина. При этом учитывается генезис тех или иных сведений, почерпнутых ими из работ пушкинистов-современников. Прямые указания Набокова на допущенные Чижевским разного рода ошибки перерастают в полноценную полемику, при рассмотрении которой оказывается возможным выяснить специфику концептуальных подходов комментаторов к таким существенным вопросам пушкиноведения, как генезис «Евгения Онегина» и его роль в эволюции русской литературы XIX в.

В.В. Набоков, Д.И. Чижевский, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин».

Данная тема неоднократно попадала в поле зрения исследователей. Уже А.П. Гершенкрон, один из первых критиков, откликнувшихся на выход в свет «Комментариев к Евгению Онегину» (КЕО) (1964) В.В. Набокова, обратил внимание на полемику писателя с Д.И. Чижевским как автором аналогичного произведения [1]. В статье Гершенкрона содержится одно важное для нашей работы наблюдение об избирательном отношении Набокова к немецким и русским источникам романа Пушкина [1, с. 413–414]. В примечании к этому наблюдению, призванному его проиллюстрировать, Гершенкрон упоминает Чижевского как практикующего прямо противоположный подход: «...прощание Татьяны с деревней очень близко к знаменитому монологу Иоанны из “Орлеанской девы” Шиллера, перевод которой, принадлежавший Жуковскому <...> появился года за два до того, как Пушкин принял за свой роман. Чижевский правильно упоминает о вероятности такой связи» (Там же, с. 413).

Б. Бойд считает рассматриваемый в нашей работе сюжет типичным примером характерной для комментариев Набокова в целом оппозиции частного, индивидуального/общее, абстрактное. В этой связи Бойд раскрыл роль Чижевского как одного из прототипов набоковского полемического образа «схолиаста», компилирующего непроверенные сведения [2, с. 420].

Таким образом, исследователи, до сих пор рассматривавшие обозначенную в заголовке нашей работы тему, однозначно формулируют отношение Набокова к комментариям Чижевского как полемическое. Однако каждый из них изучал отдельные аспекты этой полемики. Целостного монографического анализа полемики Набокова в КЕО с Чижевским до сих пор не существует. В нашей работе мы намереваемся рассмотреть основные мотивы полемики Набокова с Чижевским в «Комментариях к Евгению Онегину», с учетом генезиса тех или иных сведений, почерпнутых ими из работ пушкинистов-современников.

Англоязычные «Комментарии» Чижевского к русскому тексту «Евгения Онегина» вышли из печати

в 1953 г. [12], в самый разгар работы Набокова над произведением аналогичного жанра: по сведениям Бойда, труд писателя над КЕО в целом охватывает период с 1948 по 1958 гг. [2, с. 405], однако наиболее интенсивный период этой работы начинается с августа 1952 г. (Там же, с. 383). На первый взгляд, не вычитанный как следует опус Чижевского не вызвал в Набокове ничего, кроме раздражения. Его прямые ссылки на труд предшественника представляют собой указания на допущенные тем разного рода ошибки.

По мнению Набокова, Чижевский неоднократно допускает ошибки *в толковании отдельных слов и выражений* в «Евгении Онегине», поскольку не учитывает тесной связи его словаря с французской поэзией XVIII века. Имеются в виду комментарии Набокова к гл. 2, II, 1 ...*зámok* [7, с. 220]; к главе 2, XXXVIII, 5 ...*жатвой*... (Там же, с. 275); к главе 6, VII, 12 (Там же, с. 442).

По Набокову, Чижевский, как знаток не имеющих отношения к «Евгению Онегину» «древних или созданных в подражание древней манере славянских памятников» (Там же, с. 275), и не мог учесть тесную связь этого произведения с французской культурой в целом, ввиду слабого знакомства с нею. В КЕО неоднократно приводятся примеры ошибок Чижевского в *правописании имен французских писателей*:

– в комментарии к гл. 3, XII, 10 ...*Вечный жид*...: «Нас преследуют еще и такие библиографические призраки, как ссылки на несуществовавших авторов и их произведения, упомянутые Чижевским в комментариях к *ЕО*: не было никакого “французского поэта Рокко де Корнелиано”¹, автора вымышленного романа “Вечный жид” (1820), как не было никогда на свете и драматурга “Л.Ш. Шенье” (Чижевский, с. 239, 316)².

¹ В оригинале КЕО: «Rocca de Corneliano, French poet» [11, с. 355].

² «Вполне вероятно, что Пушкин был знаком с французскими произведениями на эту тему и с этим героем: пьеса L. Ch. Chaignet (1812) или роман R. de Corneliano (1820)» [12, с. 239]. В именном указателе: «Chaignet, L. Ch., French poet (*Eternal Jew*, 1812)». «Corneliano, Rocca de, French poet (*Eternal Jew*, 1812)» (Там же, с. 316).

Впрочем, существует совершенно ничтожный трактат “История вечного жида, написанная им самим” (“Histoire du Juif-errant écrite par lui-même”), опубликованный анонимно в Париже в 1820 г. автором, специализировавшимся на политических, исторических и религиозных темах, – графом Карло Пасеро де Корнелиано (Corneliano); есть и скверная мелодрама в трех актах Луи Шарля Кэнье (Caigniez или Caignez, 1762–1842), в которой Скиталец представлен Иглуфом (от нем. *ich lauf* – я бегу), – первая безуспешная попытка постановки состоялась 7 января 1812 г. в парижском “Театре Веселья” (Théâtre de la Gaîté). Между прочим, этот Кэнье был соавтором Теодора Бодуэна, известного под именем д’Обиньи (d’Aubigny), истинного создателя чрезвычайно удачной пьесы “La Pie voleuse, ou la Servante de Palaiseau” (премьера в Париже 29 апреля 1815 г.), которая послужила основой для создания либретто (Д.Ж. Жерардини) к опере Россини “Сорокаворовка” (1817), столь любимой Пушкиным в его одесский период» [7, с. 306–307]. Чуть ниже, в этом же комментарии, в связи с вопросом атрибуции русской версии романа «Монах» Анне Рэдклиф, Набоков указывает источник информации Чижевского о существовании драмы L.Ch. Caignez «Вечный жид» (1812), – а именно статью Н.О. Лернера «Вечный жид», вошедшую в состав его «Пушкинологических этюдов» (1935): «В русской адаптации этот роман был приписан (как указано в “Звеньях” Лернером, 1935, V, с. 72) известной даме, “славной госпоже Радклиф”, Анне Рэдклиф (1764–1823)...» (Там же, с. 308). В указанной статье Лернера упоминается, между прочим: «у французов под заглавием “Вечный Жид” была драма L. Ch. Caignet (1812)» [5, с. 72]. Таким образом, в данном случае Набоков демонстрирует, как ошибки, допущенные Чижевским в цитировании имен французских писателей, могут приводить к ошибочным ссылкам на источники «Евгения Онегина».

– В комментарии к гл. 5, XXIII, 10 *Мармонтеля третий том*: «Замечу, что Бродский (1950, с. 49) пишет: “Contes morales”, а Чижевский (1953, с. 212) дает неверное написание фамилии автора – “Marmontelle”» [7, с. 413]. Следует заметить, что Чижевский правильно написал имя Мармонтеля, комментируя как раз тот же стих «Евгения Онегина», что и Набоков: «Пушкин вряд ли подразумевал поставить Мармонтеля (Marmontel. – В. Ч.) на один уровень с этим перечнем литературной халтуры. Были как французские, так и русские издания Мармонтеля (французское издание, 18 томов, 1818–1819; “Contes Moraux” были в томе 3. Российское издание в 4 томах, 1820–1821 – слишком поздно, чтобы быть прочитанными Татьяной)» [12, с. 261]. Кроме того, Набоков существенно расширил толкование Чижевского за счет корректирования библиографического описания французских изданий, содержащихся в третьем томе Полного собрания сочинений Мармонтеля «Contes Moraux»: «В третьем томе Полного собрания сочинений Мармонтеля (Marmontel, “Euvres complètes”, Paris, 1787, 17 vols.) содержатся “Нравственные повести” (“Contes Moraux”), впервые появившиеся в 1761 г. (в двухтомном издании La Haye), и “Новые нравственные повести” (“Nouveaux contes moraux”). В библиотеке Пушкина имелось Полное собрание 1818–1819 гг. издания» [7, с. 413].

– В комментарии к гл. 7, XXXIV: «Имя его (Gédéon Tallemant des Réaux. – В. Ч.) Чижевский (с. 278), кстати говоря, не только трижды калечит, но и превращает в синоним пустоты “Анонимные [sic] Les Historiettes de Tallement [sic] de [sic] Reaux [sic]...”» [7, с. 507].

В комментарии к гл. 6, XLI, 1–4 Набоков отмечает множество ошибок Чижевского в **цитировании французского оригинала**: «Ср.: Мильвуа, “Листопад”, первый вариант (“La Chute des feuilles”, première version):

Mais son amante ne vint pas
Visiter la Pierre isolée;
Et le pâtre de la vallée
Troubla seul du bruit de ses pas
Le silence du mausolée.

<...> Чижевский (с. 274), цитируя пять строк французского оригинала, допускает, по меньшей мере, пять ошибок» (Там же, с. 473).

Набоков имеет в виду следующую цитату в комментариях Чижевского (орфографические ошибки выделены нами):

Mais son amante ne vint pas
Visiter la Pierre isolée;
Et la pâtre de la vallée
Trouble seul de bruit de ses pas
Les silences du mausolée [12, с. 274].

Согласно Набокову, Чижевский допускает ошибочные ссылки на источники «Евгения Онегина», так как не знает **содержания произведений западной (французской, английской, латинской) литературы**:

– в комментарии к гл. 1, XVII, 12 *Федру, Клеопатру* Набоков исправляет ошибочное утверждение Чижевского о существовании трагедии «Клеопатра», принадлежащей перу Вольтера³: «Никакой пьесы Вольтера о Клеопатре не существует. Легенда о том, что под “Клеопатрой” в *ЕО* подразумевается “Клеопатра, трагедия Вольтера”, идет от ошибки М. Гофмана в его примечаниях к *ЕО* издательства “Народная библиотека” (1919); она повторяется в комментариях Бродского (*ЕО*, изд-во “Мир”, 1932) и переходит в небрежный компилят Д. Чижевского (Harvard University Press, 1953), хотя еще в 1934 г. Томашевский (*Лит. насл.*, т. 16–18) обратил внимание на эти “балетные переделки несуществующих трагедий» [7, с. 134].

Цитируя полемическое замечание Б.В. Томашевского о генезисе указанной ошибки Н.Л. Бродского в первом издании его комментариев⁴ [3], Набоков не только указывает на неполноту источников у Чижевского, проигнорировавшего даже столь известное в

³ «“Клеопатра” – героиня одноименной трагедии Вольтера, или балета» [12, с. 214].

⁴ «...“Клеопатра”, поставленная едва ли не ради рифмы, объявлена “балетной переделкой трагедии Вольтера”» [9, с. 1095]. «Эта “балетная переделка”, фигурирующая и у Н. Бродского, ведет свое начало по-видимому от комментария М. Гофмана к изданию “Народной библиотеки”, в котором смело сказано, что “Клеопатра” – трагедия Вольтера. Между тем не только у Вольтера нет такой трагедии, но и персонаж этот совершенно отсутствует в его театре. Пушкинское указание загадочно. Неясно, какую Клеопатру мог обшарить Онегин в 1819 г.» (Там же, с. 1110). Томашевский цитирует Бродского: «...Клеопатра – балетная переделка трагедии Вольтера» [3, с. 12]. Таким образом, не точно процитировав Томашевского, Набоков в сжатой форме передал суть его замечания Гофману и Бродскому.

пушкинистике издание «Литературного наследства», но и подчеркивает, что тот держал в руках только первое издание комментариев Бродского, а не последнее по времени – третье, в котором замечание Томашевского было учтено⁵ [4]. Другими словами, Набоков указывает на архаичность сведений Чижевского, написавшего свои комментарии в 1953 г., однако не сверившего содержащиеся в них данные с новейшей научной литературой.

– В упомянутом выше комментарии к гл. 6, VII, 12 *Kanustu cadit, как Горацій* Набоков углубляется в словарные изыскания оригинальных текстов Горация, чтобы исправить утверждение Чижевского, отрицавшего возможность занятий сельским хозяйством со стороны латинского поэта [7, с. 442].

В комментарии к эпиграфу гл. 2 *O rus! / Hor. / O Русь!..* Набоков также обращается к гораціанской теме. Хотя Чижевский здесь прямо не назван, набоковская ссылка в комментарии к гл. 6, VII, 12 *Kanustu cadit* дает достаточное основание для утверждения присутствия его комментариев в качестве полемического подтекста данной статьи. Чижевский комментировал этот эпиграф следующим образом: «Эпиграф главы заимствован из сборника анекдотов и *bons mots, Bievriana, Almanach des calembours* (Париж, 1771 и более поздние издания). То, что Пушкин знал этот сборник, видно из его ссылки на него в одном из черновиков для “Альбома Онегина”: “анекдоты площадные, из бьеврианы занятые”. Одно из поздних изданий содержит парижскую остроту седьмого года республики, когда ожидалось, что русские войдут в Париж. Один из роялистов, в то время нетерпеливо ожидающих их прихода, декламировал Горация: “O, rus! Quando ego te aspiciam” – “rus”, конечно, вместо “Россия»» [12, с. 222].

Полемизируя с Чижевским, Набоков указывает на творчество Горация как на прямой источник пушкинского эпиграфа [7, с. 217].

В комментарии к гл. 4, XXXIX, 1–4 Набоков подтверждает прямое знакомство Пушкина с первоисточником, то есть *Второй Сатирой* Горация (Там же, с. 378). Казалось бы, тривиальное толкование Набоковым русской части пушкинского эпиграфа оказывается необходимостью, подчеркивающей полемическое переосмысление со стороны автора «Евгения Онегина» бытовавшего в его время пейоративного каламбурного значения гораціанского *rus* как «деревня» в применении к русским. В связи с этим Набоков цитирует дневник Стендаля за 1837 г., а также упоминает его роман «Красное и черное» (1831), в которых зафиксирован данный каламбур (Там же, с. 217). Далее Набоков идентифицирует источник комментария Чижевского: «Л. Гроссман в “Этюдах о Пушкине” (М., 1923, с. 53) сообщает, что нашел тот же каламбур в “Бьевриане” (Bievriana) издания 1799 г. Сборник, к которому обратился я, “Бьевриана, или Каламбуры маркиза де Бьевра” (“Bievriana, ou Jeux de mots de M. de Bièvre”, ed. Albéric Deville. Paris, 1800) Франсуа Жоржа Маршала, маркиза де Бьевра (1747–1789), такой игры слов не содержит. В различных сборниках

подобного рода многие остроты, приписываемые Бьевру, связаны с событиями, произошедшими уже после его смерти. В черновике, возможно относящемся к “Альбому Онегина” (см. строфу XIV “Альбома” в коммент. к гл. 7, XXII альтернативная строфа), анекдоты из “Бьеврианы” верно охарактеризованы как “площадные»» [7, с. 217].

Мы не нашли в упомянутом Набоковым издании книги Л.П. Гроссмана указания на год издания «Бьеврианы». На наш взгляд, эта мистификация призвана подчеркнуть сомнительность сведений, передаваемых Гроссманом, так как анекдот из издания 1799 г. вряд ли мог исчезнуть в переиздании сборника спустя всего лишь год. Тем более, как указывает Набоков в последнем предложении своего рассуждения, подобные сборники имели тенденцию не сокращаться, а лишь увеличиваться в объеме за счет вновь включаемых анекдотов. Таким образом, по Набокову, Чижевский не только в очередной раз продемонстрировал свое незнание Горация, но и, в очередной раз некритично пересказав сомнительные сведения Гроссмана, написал эпиграфу Пушкина несвойственное ему, пейоративное, значение. В эффектной концовке обсуждаемой статьи КЕО Набоков доводит до абсурда наблюдение Гроссмана – Чижевского, отсылая к цитате из онегинского «Альбома», из которой следует, что, по мнению их автора (Онегина), «...эпиграммы площадные, / Из Бьеврианы занятые» являются атрибутом всякого «глупца» и «страмца» (Там же, с. 496). В свете нашей темы, если Чижевский «вослед» Гроссману приписал Пушкину употребление «бьеврианского» каламбура, то тем самым он отнес его к числу этих самых «глупцов» и «страмцов».

– В комментарии к гл. 2, XXX, 3 *Грандисон*, связанном ссылкой с рассмотренным выше комментарием к гл. 2, II, 1 ...*зámok*, Набоков указывает на целый ряд ошибок Чижевского, касающихся знания содержания романов Ричардсона, которые послужили источником для автора «Евгения Онегина», а также передачи реалий русской жизни, отразившихся в романе (Там же, с. 263).

Чуть ниже, в комментарии к стихам 3–4 ...*Грандисона... Ловласу...* Набоков дает подробное библиографическое описание двух романов Ричардсона, из которого становится ясно, к какой трагикомической *qui pro quo* может привести незнание содержания источников комментируемого произведения: «Благородный сердцем сэр Чарльз Грандисон и негодяй благородного происхождения Ловлас <...> – это, по словам Пушкина (в его 14-м примечании), “герои двух славных романов”. Речь, конечно, идет об эпистолярных романах (1753–1754 гг. и 1747–1748 гг. соответственно) Сэмюэля Ричардсона (1689–1761) “История сэра Чарльза Грандисона” в семи томах и “Кларисса, или История молодой леди”, “охватывающая важнейшие вопросы частной жизни и показывающая, в особенности, бедствия, проистекающие из дурного поведения как родителей, так и детей в отношении к браку”, в восьми томах» (Там же, с. 264).

А в комментарии к стихам 13–14 *Сей Грандисон был... гвардии сержант*, дав подробную характеристику воинского звания гвардии сержанта согласно «Табели о рангах» Петра I, Набоков раскрыл суть

⁵ «К л е о п а т р а – имя героини из пьесы, до сих пор не установленной» [4, с. 71].

ошибки Чижевского, отлучившего знакомого Лариной от гвардии. Тема Грандисона заканчивается в комментарии Набокова к гл. 3, X, 14 ...*Грандисон*, где Набоков не только в очередной раз отмечает ту же ошибку Чижевского, назвавшего Грандисона героем «Клариссы Гарлоу», но и вводит новый мотив полемики со своим оппонентом, – о *франкофонстве* героев «Евгения Онегина»: «Здесь Чижевский в своих Комментариях к *ЕО* (с. 237) снова дезинформирует читателя (см. коммент. к гл. 2, XXX, 3): “Грандисон – герой «Клариссы Гарлоу» Ричардсона”. К тому же он полагает, что Пушкин читал эти романы по-русски» [7, с. 302]. Набоков имеет в виду следующее замечание Чижевского: «Героиня незаконченного “Отрывка из романа в письмах” (1829 и следующие) упоминает *Clarissa*, подчеркивая утомительность романа – русское издание было в двенадцати томах!» [12, с. 237]. Чуть выше, в комментарии к гл. 3, IX, 10 *И бесподобный Грандисон...*; X, 3 *Кларисой...* Набоков раскрыл смысл своего полемического замечания в отношении Чижевского, указав на франкофонские источники чтения Татьяны [7, с. 300–301]. В упомянутом комментарии к гл. 2, XXIX, 1–4 Набоков указывает на присутствие французской гувернантки в доме Лариных как на одну из решающих причин франкофонства Татьяны (Там же, с. 263).

В комментарии к строфе XXIV, не вошедшей в окончательный текст «Евгения Онегина», в которой Пушкин, по словам Набокова, допускает «довольно неожиданные нападки на изучение русскими провинциальными барышнями европейских языков»⁶ (Там же, с. 254), также констатируется, со ссылкой на свободное владение Ольгой и Татьяной французским языком, присутствие в семье Лариных французской гувернантки: «В окончательной редакции обе барышни Ларины читают и пишут по-французски значительно свободнее, чем по-русски, что свидетельствует о недавнем присутствии в семье гувернантки» (Там же). Ссылка Набокова на каталог библиотеки Пушкина, составленный Б.Л. Модзалевским, как на дополнительный аргумент в полемике с Чижевским о франкофонстве Татьяны – это мистификация: согласно этому каталогу, в библиотеке Пушкина было только англоязычное издание романов Ричардсона [6, с. 321]. Таким образом, по Набокову, незнание творчества Ричардсона, а также невнимательное чтение «Евгения Онегина» приводит Чижевского к ошибочной ссылке на русский перевод романов английского писателя как на источник «Евгения Онегина».

В комментарии к главе 6, XL, 5–14 Набоков как бы резюмирует основные мотивы своих прямых ссылок на комментарии Чижевского, объединяя в одной статье ошибочное цитирование имени французского писателя, ошибочное цитирование французского оригинала (его названия) и незнание его содержания: «(см. также XLI, гл. 7, VI–VII) профессор Чижевский говорит (с. 270): “...эта тема <могила юноши> была использована К. Делавином <имя которого он пишет

К. Delavigne> («Messénie»)”. Такого поэта не существует, а если речь идет о Казимире Делавине (Casimir Delavigne), как запоздало делается предположение в указателе, то ни он, ни кто-либо другой не писали произведений под названием “Messénie”; если же имеется в виду сборник патриотических элегий Делавина “Les Messéniens” (“Мессинские элегии”), то в нем никакие могилы юношей не воспеваются» [7, с. 472].

Набоков отметил всего лишь две ошибки в комментариях Чижевского вне рамок французской темы: в комментариях к гл. 2, XLI, 1–2 *Но может быть – и это даже / Правдоподобнее <в> сто раз...* он намекнул, что тот не читал черновых рукописей «Евгения Онегина» (Там же, с. 280); к главе 10, XII, 3 *Тиран* Набоков исправляет ошибку Чижевского в датировке бунта Семеновского полка (Там же, с. 654).

В «Заметках переводчика» Набоков подводит общий итог своего негативного отношения к комментариям Чижевского, выраженного в рассмотренных выше его прямых указаниях на допущенные там ошибки: «Тут незачем разбирать по пунктам бесконечное количество курьезов и ошибок в “Комментарии”, но приходится отметить следующее. Все украшает этот странный труд – непроверенные заимствования у других компиляторов, дикие ошибки во французском языке, исковерканные до неузнаваемости имена и заглавия, неправильные даты, нелепые предположения, устаревшие толкования, восторженные упоминания каких-то чешских, польских, а главное, немецких трудов, никакого отношения к пониманию *ЕО* не имеющих» (Там же, с. 817).

Столь убийственный вердикт по поводу научных достоинств комментариев Чижевского не отменяет, однако, того факта, что не все прямые ссылки Набокова на них представляют собой простое исправление ошибок. Некоторые из этих ссылок имеют полемический характер в собственном значении этого слова, то есть выражают несогласие с наблюдениями оппонента или сложное отношение к ним. К их рассмотрению мы и перейдем.

Из «Заметок переводчика» становится ясно, что Набоков в своем комментарии к главе 2, XXXVIII, 5 ...*жатвой...* под «Slavic antiquities or pseudoantiquities» [11, с. 306], к которым якобы прибегает Чижевский при толковании данного слова, имеет в виду прежде всего «Слово о полку Игореве»: «Чижевский, по каким-то соображениям сопоставивший эту несчастную жатву с земледельческими образами в ...“Слове о полку Игореве”, оказал медвежью услугу и без того безупречной подлинности этого замечательного произведения» [7, с. 815]. Другими словами, ссылка Чижевского на Библию как на первоисточник обсуждаемого образа «смерти-жатвы»⁷ не вызвала у Набокова возражения. Более того, в общем комментарии к строфе XXXVIII, куда входит и стих о «жатве», он приводит в качестве ее источника рассуждение фран-

⁶ Имеются в виду следующие стихи строфы XXIV: «Ни дура Англинской породы, / Ни своенравная Мамзель, / В России по уставу моды / Необходимые досель, / Не стали портить Ольги милой...» [7, с. 253].

⁷ «Фрагмент, более близкий к образности “Евгения Онегина”, следует искать в Библии, в книге Иисуса Сирахова (14:19). Другие библейские отрывки проводят параллель между жизненным циклом растений и жизнью отдельных людей или народов, но не останавливаются подробно на образе падающих листьев. Ср.: Joel 4:13; Иов 5:26 и 8:11; Исайя 56:3; Матфей 13:38–39; Апокалипсис 14:15–19» [12, с. 232].

цузского проповедника и богослова Боссюэ, вполне вписывающееся в предлагаемую Чижевским генетически библейскую мировоззренческую парадигму⁸. Если принять во внимание, что Чижевский в данном случае полемизировал с атеистической концепцией Бродского, который указал на рассуждения французского философа-материалиста Гольбаха о «естественных законах»⁹ как на источник XVIII строфы, то можно прийти к выводу, что в этой полемике Набоков принял сторону Чижевского.

В комментарии к главе 5, XXIII, 9 ...*две Петриады...* и 10 *Мармонтеля третий том* Набоков, по сравнению с соответствующим комментарием Чижевского¹⁰, во-первых, дополняет список возможных «Петриад», которые пошли в счет уплаты за снотолкователь Мартына Задеки, причем два из трех добавленных Набоковым произведений принадлежат французской литературе [7, с. 412–413]. По Набокову, русские и французские «Петриады» генетически восходят к одному источнику, представляя собой «ничтожнейшие подражания ничтожнейшим же французским “Генриадам”» (Там же, с. 412).

Во-вторых, Набоков возражает по поводу высокой оценки Чижевским литературных достоинств «Нравственных повестей» Мармонтеля, считая их упоминание в одном ряду с пресловутыми «Петриадами» сознательной реминисценцией Пушкина на известную поэту сатиру французского писателя второй половины XVIII в. Жильбера, в которой упомянутая поэма Тома соседствует с трудом Мармонтеля по признаку их чрезмерного объема и внушаемой ими скуки – результата влагаемых в них унылых и напряженных, но бездарных усилий (Там же, с. 413).

В контексте рассматриваемого комментария КЕО сатирические стихи Жильбера перекликаются с цитируемой Набоковым в связи с оценкой «Петриады» С.А. Шихматова «остроумной», по словам Набокова (Там же, с. 412), эпиграммой К.Н. Батюшкова «Совет эпическому стихотворцу», в которой также акцентируются мотивы длины, скуки и бездарности высмеиваемого произведения (Там же, с. 413). Таким обра-

зом, в данном случае прямая ссылка Набокова на комментарии Чижевского не сводится к простому указанию допущенных тем ошибок, а являет собой полноценную полемику, требующую для своего понимания раскрытие ее подтекста. Во всяком случае рассмотренный нами фрагмент КЕО демонстрирует всю серьезность отношения Набокова к труду своего коллеги по ученому цеху.

То же самое наблюдение касается и полемики Набокова с Чижевским по поводу толкования последним употребления частицы «даже» в «Евгении Онегине» и в творчестве Н.В. Гоголя в целом. По этой теме Чижевский напечатал в центральном журнале русского зарубежья «Современные записки» статью «О “Шинели” Гоголя» (1938), в которой придал философское значение частоте употребления этой частицы в творчестве Гоголя: «Гоголь вводит вместо усиления после “даже” то “смысловой нуль”...» [10, с. 178]. В связи с этим обобщением Чижевский поставил Гоголя в один ряд с целым рядом знаменитых немецких философов XIX–XX вв., размышлявших о проблеме «ничто» (Там же, с. 181). В этой же статье Чижевский провел прямую генетическую связь наблюдаемого им гоголевского употребления частицы «даже» с «Евгением Онегиным», посчитав характеристику Зарецкого «и даже честный человек» имеющей аналогичное значение, по его определению, «срыва логического хода мысли» (Там же, с. 179). В «Комментарии» к «Евгению Онегину» Чижевский возвел генезис пушкинской характеристики Зарецкого к повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1758) [12, с. 267].

Набоков возражал по поводу рассмотренного утверждения Чижевского о пушкинском генезисе употребления частицы «даже» в «Шинели» в комментарии к главе 2, XLI. Он придал пушкинскому «даже» совершенно иной философский смысл, подчеркивающий не пустоту бытия, как у Чижевского, а его насыщенность и полноту, обусловленные гармоническим сочетанием с «потусторонностью»: «В первом стихе – “Но может быть – и это даже” – незначительное словосочетание “может быть” (употребленное Пушкиным со сходной интонацией в гл. 6, XXXIX, 1) и слово “даже” практически формируют строку; магия их расположения, аллитерация на “ж”, объемное и полновесное звучание возносят тривиальное “может быть” и “даже” к рокошущим отголоскам судьбы и метафизической гибели. Раскаты набирают полную силу в быстротекущем “правдоподобнее” и в следующих за ним строках, явственно отмеченных скадом» [7, с. 279].

Пушкинское словоупотребление, а значит, и мировоззрение, по Набокову, составляют антитезу гоголевскому: «Такой прием прямо противоположен тому, что делал Н. Гоголь, вводящий пустопорожние слова, наречные сорняки и предложенные осколки в запинаящиеся бормотание своих механических уродов и личинок-гомункулусов, как, например, в “Шинели”» (Там же). В этом же фрагменте КЕО Набоков ссылается на свою книгу «Николай Гоголь» (1944), в которой, по его словам, он уже рассматривал особенности употребления частицы «даже» в творчестве Гоголя. Однако писатель упоминает эти «штудии» в настоятельно сниженном контексте, что свидетельствует

⁸ «Это постоянное пополнение человеческого рода, я хочу сказать рождающиеся дети, по мере того как они растут и продвигаются вперед, как будто толкают нас плечом и говорят нам: убирайтесь, теперь наша очередь. И так же как мы видим, как другие прошли перед нами, следующие увидят, как мы пройдем, а они, в свою очередь, покажут то же действие своим преемникам. О Боже! И снова – что же мы такое?» [7, с. 274].

⁹ «Мировоззрение рационалиста, чуждого всякой романтической и религиозной мистики, отчетливо сквозит в этом отрывке» [3, с. 88]. «Пушкин в завуалированной форме, скрывавшей от цензуры опасные для господствующей власти идеи, в сущности провел принципы гольбаховского материализма. Поколенья “восходят, зреют и падают, другие им во след идут” – поэтическая перифраза рассуждения Гольбаха об “естественных законах”, призвавших нас к жизни и заставляющих нас возвращаться в лоно природы, откуда мы вышли» (Там же, с. 91).

¹⁰ «Две Петриады» – «были “Петриады” Сладковского (1803), С. Шихматова (1810) и А. Грузинцева (1812, второе издание, 1817). Пушкин наверняка знал Шихматова и, возможно, Грузинцева; его “Полтава” (1830) имеет какое-то отношение к первому из двух названных авторов и к незавершенному эпосу Ломоносова (1760–1761), о котором, вероятно, здесь не говорится (А. Соколов, “Пушкинский временник”, том 4–5). Пушкин вряд ли подразумевал повестить Мармонтеля на один уровень с этим перечнем литературной халтуры» [12, с. 260–261].

о его намерении дезавуировать содержащиеся в этой книге наблюдения и выводы: «Я рассматривал этот прием в своей довольно поверхностной книжонке “Николай Гоголь” (“Nikolaj Gogol”, New Directions, 1944) с кошмарным указателем (за который я ответственности не несу) и путаной системой транслитерации (за которую я ответственность несу). Пользуясь случаем, хочу отметить, что рассказ на с. 8 внизу относится к Дельвигу и афоризм на с. 27 вверху принадлежит ему же (но не Пушкину, который лишь передает и рассказ, и афоризм)» [7, с. 280].

Судя по этой автохарактеристике Набокова, его собственный опус имеет родовые черты сходства с «Комментариями» Чижевского к «Евгению Онегину», какими они представлены в КЕО, по таким признакам, как «поверхностность», небрежность в техническом оформлении книги, ссылки-мистификации на источники. При обращении к тексту «Николая Гоголя» обнаруживается прямое влияние концепции Чижевского на многословные рассуждения Набокова по поводу употребления частицы «даже», поскольку он придал ему глубокий философский и мистический смысл, включающий в себя и рассмотренные выше мотивы «срыва логического хода мысли» и «смыслового нуля» [8, т. I, с. 505].

В указанных Набоковым фрагментах «Николая Гоголя», в которых содержатся ссылки-мистификации на творчество Пушкина, писатель обыгрывает тему «смыслового нуля» в творчестве Гоголя вполне в духе Чижевского. Перелагая пушкинскую заметку «Державин»¹¹, в которой рассказывается о страстном желании А.И. Дельвига, по словам Пушкина, «поцеловать ему <Державину> руку, руку, написавшую “Водопад”», Набоков придает этой руке поэта несвойственную ей вещественность и конкретность, как бы символизировавшие вождельную Дельвигом земную наполненность бытия (Там же, с. 409).

По Набокову, при столкновении с «жизнью на самом деле», «земные» мечты подобных Дельвигу писателей (юный Пушкин здесь не исключение) исчезают, образуя «смысловой нуль». Набоков подчеркивает, что именно Дельвиг, автор афоризма о ничтожности поэзии, посвященной теме «потусторонности», напечатал «Главу из исторического романа» (1831), которую Гоголь подписал четверкой нулей, то есть тем же «смысловым нулем». Набоков монтирует характеристику творчества Дельвига, умудрившегося не заметить языческий, земной идейно-образный план («дух») греческой поэзии, и Гоголя как автора «Главы из исторического романа» (Там же, с. 423).

В комментарии к главе 6, IV, 13 Набоков не только указывает на источник сведений Чижевского о вольтеровском «Кандиде», из которого Пушкин позаимствовал характеристику Зарецкого («и даже честный человек»), но и решительно отвергает толкование Чижевского: «Замечание Лернера (примечание Набо-

кова: “Звенья”, 1935, № 5, с. 77. – В. Ч.) отослало меня к высказыванию Вольтера (“Кандид”, 1759, гл. 30): “Даже брат Жирофле оказался полезен: он стал очень хорошим столяром и даже сделался честным человеком...”. Чижевский (с. 267) проводит здесь совершенно ошибочную аналогию с использованием Гоголем слова “даже” в “Шинели”» [7, с. 436–437].

Тема полемики с Чижевским по поводу пушкинского употребления «даже» заканчивается в набоковском комментарии к главе 7, XXXIV изящной виньеткой в виде шутового указания на допущенную Чижевским словесную игру с этой частицей в духе открытой им в творчестве Гоголя «нулевой» степени идейного содержания: «Имя его (Gédéon Tallemant des Réaux. – В. Ч.) Чижевский (с. 278), кстати говоря, не только трижды калечит, но и превращает в синоним пустоты “Анонимные [sic] *Les Historiettes de Tallemant [sic] de [sic] Reaux [sic]*” (более того, я предлагаю любому испытать свои силы и попробовать уразуметь смысл ссылки на Генриха IV у того же компилятора на той же странице)» (Там же, с. 507).

На указанной Набоковым странице напечатано следующее утверждение Чижевского: «...это выражение (“*transeuntibus*”) даже приписывается Генриху IV»¹² [12, с. 278]. Согласно приведенному Набоковым анекдоту из сборника Таллемана, это выражение принадлежит другому персонажу. Таким образом, очевидную ошибку Чижевского Набоков переосмысливает как возможную сознательную словесную игру в родственном для него самого духе.

Таким образом, при более внимательном рассмотрении указаний Набокова на ошибки, допущенные Чижевским, оказывается, что они выполняют конструктивную функцию в концепции его полемики с Чижевским. Большая часть прямых ссылок в КЕО на комментарии Чижевского раскрывает тему галлицизмов в «Евгении Онегине», понимаемых в самом широком смысле этого слова. В процессе исправления ошибок Чижевского в правописании имен французских писателей и цитировании французских текстов, толкования содержания произведений западной литературы, послуживших источником «Евгения Онегина», идентификации галлицизмов в его художественной речи Набоков дает широкую картину французской культуры, сформировавшей творческое мировоззрение Пушкина. Уже в данной части нашей работы мы продемонстрировали, как указания Набокова на конкретные ошибки Чижевского перерастают в полемику по поводу таких сложнейших вопросов пушкиноведения, как генезис «Евгения Онегина», сравнительное литературное достоинство тех или иных художественных произведений мировой и отечественной литературы, послуживших источником пушкинского шедевра, роль «Евгения Онегина» в эволюции русской литературы первой половины XIX в. К этим вопросам Набоков постоянно возвращается в КЕО, хотя и без прямых ссылок на комментарии Чижевского. Таким образом, для полного раскрытия темы нашего исследования необходимо обратиться к полному и детальному сопоставительному анализу этих ярких «Ком-

¹¹ В комментарии к главе 6, XX Набоков указывает, какие, собственно, «рассказ» и «афоризм», принадлежащие Дельвигу, но приписанные им Пушкину, имеются в виду: «Именно Дельвиг (судя по записи, сделанной Пушкиным) тонко подметил, что чем ближе к небесам, тем холоднее становится поэзия, и именно Дельвиг хотел поцеловать руку Державину, когда тот посетил Лицей (см. коммент. к гл. 8, II, 3)» [7, с. 447].

¹² В оригинале: «...this expression (“*transeuntibus*”) is even ascribed to Henri IV».

ментариев», созданных усилиями двух выдающихся представителей культуры русского зарубежья.

Литература

1. Гершенкрон, А. П. Рукотворный памятник / А. П. Гершенкрон // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – С. 396–416.

2. Бойд, Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Б. Бойд – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2010. – 948 с.

3. Бродский, Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н. Л. Бродский. – Москва : Мир, 1932. – 247 с.

4. Бродский, Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Издание третье переработанное / Н. Л. Бродский. – Москва : Учпедгиз, 1950. – 408 с.

5. Лернер, Н. О. Пушкинологические этюды 7. «Вечный жид» / Н. О. Лернер // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Том V. – Москва ; Ленинград : ACADEMIA, 1935. – С. 71–73.

6. Модзалевский, Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание). Отдельный оттиск из издания «Пушкин и его современники», вып. IX–X / Б. Л. Модзалевский. – Москва : Книга, 1988. – 441 с.

7. Набоков, В. В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. В. Набоков ; перевод с английского [Е. М. Видре]. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб ; Набоковский фонд, 1998. – 924 с.

8. Набоков, В. В. Собрание сочинений американского периода : в 5 томах / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004.

9. Томашевский, Б. В. Издания стихотворных текстов // Литературное наследство А. С. Пушкин. Т. 16–18 / Б. В. Томашевский. – Москва, 1999. – С. 1055–1113.

10. Чижевский, Д. И. О «Шинели» Гоголя / Д. И. Чижевский // Современные записки. – 1938. – № LXVII. – С. 172–195.

11. Nabokov, Vladimir. A novel in verse by Aleksandr Pushkin translated from the russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. In Four Volumes. Volume 2 / V. Nabokov. – New York : Pantheon books, 1964. – 547 p.

12. Čyževskij, Dmitrij. A. S. Pushkin. Evgenij Onegin. A Novel in Verse. The Russian Text, edited with Introduction and Commentary by D. Čyževskij / D. Čyževskij. – Cambridge (Mass.), 1953.

V.A. Cherkasov

V.V. NABOKOV'S AND D.I. CHYZHEVSKY'S INTERPRETATIONS OF *EUGENE ONEGIN* BY A.S. PUSHKIN

The main issues of polemics between V.V. Nabokov in his *Commentary on Eugene Onegin* and D.I. Chyzhevsky in his *Commentary* are dealt with in the study. The analysis reveals certain peculiarities of their concepts of *Eugene Onegin's* genesis and its role in the development of Russian literature of the 19th century.

V.V. Nabokov, D.I. Chyzhevsky, A.S. Pushkin, *Eugene Onegin*.